

Н.Ю. БОРИСЕНКО
(Псков)

РУССКИЕ ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЛЯ ИНОЯЗЫЧНОГО АДРЕСАТА

Рассмотрены лингвокультурологические способы репрезентации студентам-инофонам образных сравнений, встречающихся в художественном тексте (на материале комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»). Предлагаются варианты лингвокультурологического комментария устойчивых и индивидуально-авторских сравнений.



Ключевые слова: *русский язык как иностранный, лингвокультурология, устойчивые сравнения, индивидуально-авторские сравнения, лингвокультурологический комментарий.*

Характерный для современной лексикографии «синтез филологии и культуры в широком смысле этого слова» [4, с. 6] в полной мере реализуется в лингвокультурологических словарях. Если лингвокультурологический словарь, как и любой другой лексикографический источник, с одной стороны, представляет собой «моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в движении языка» [Там же, с. 8], то с другой – это культурный феномен, который «не только отражает современную культуру, но и фиксирует ее предшествующие состояния» [12, с. 14].

К лингвокультурологическим словарям относятся лексикографические работы, «в которых сочетаются лингвистические сведения с информацией об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также фиксируются вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка» [18, с. 306].

Как синоним термина *лингвокультурологический словарь* в литературе используется термин *словарь лингвокультуры*, при этом под лингвокультурой (языковленной культурой) понимается совокупность явлений культуры и явлений языка, связанных друг с другом и отраженных в сознании определенной общности людей (этнической, социальной, гендерной, профессиональной, возрастной и т.п.) или

в сознании отдельной личности как целостное ментальное образование [11, с. 55].

Формирование единого культурного пространства посредством словаря, способного выступать в роли «зеркала культуры», приобретает особую значимость в рамках межкультурного общения, когда говорящему для адекватной коммуникации необходимо преодолеть не только языковой барьер, но и культурный. По мнению В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, «коммуникация на новый современный манер требует от ее участников большого количества историко-культурных знаний и навыков облекать эти знания в слово и воспринимать в слове» [15, с. 17].

Активизация теоретических исследований и практических разработок в сфере лингвокультурологической лексикографии приводит к оформлению нового лексикографического направления – *лингвокультурологии* [3]. Н.А. Лукьянова фиксирует время его возникновения (90-е гг. XX – начало XXI в.), отмечает относительную новизну термина *лингвокультурология* и недостаточную разработанность данной области [18]. Объектом лингвокультурологии, по мнению О.К. Анисимовой, являются языковые и неязыковые (например, мимика, жесты) единицы, содержащие культурную информацию, знание которой необходимо для успешной коммуникации в рамках определенного лингвокультурного сообщества; предметом – параметры описания данных единиц в соответствующих словарях, т.е. их лексикографическая интерпретация [3].

Инструментарий лингвокультурологии формируется из категорий и понятий лингвокультурологии и общей лексикографии, а также собственных понятий. Так, основной задачей словарной лексикологии в данном случае является описание единиц лингвокультурологии под «лексикографическим углом» [23].

Границы лингвокультурологии не могут быть жесткими, строго очерченными, и многие словари относятся как к традиционной лексикографии, так и к лингвокультурологии, например, этимологические словари-исследования, ономастиконы, идиостилистические словари, словари агнонимов, словари паремий, фразеологизмов и др. (например, «Словарь оценок внешности человека» В.М. Богуславского [7], «Константы русской культуры: Словарь русской культуры: Опыт

исследования» Ю.С. Степанова [30], «Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь» В.С. Елистратова [13], «Словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая [5], «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Скляревой [29], «Русская деревня – XX век: Культурологический словарь» [2], «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» [28]).

Анализируя фразеологические словари с позиций лингвокультурологии, Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков [4, с. 244–247, 273–277] отмечают высокую лингвокультурологическую ценность Большого фразеологического словаря русского языка под ред. В.Н. Телии [9], лингвострановедческих словарей «Русские фразеологизмы» В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко [27], «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова [32]. В поле зрения исследователей не попадают словари устойчивых сравнений (УС), обладающих не меньшим лингвокультурологическим потенциалом. Рассмотрим возможности лингвокультурологической интерпретации этого типа фразеологических единиц.

В русском языке устойчивые сравнения образуют систему, обладающую высокой наглядностью внутренней формы, где проявляется самобытность национальной культуры, образ мышления русских (Л.А. Лебедева [17], В.А. Маслова [20], В.М. Огольцев [25] и др.). Это дает основание предположить, что в семантической структуре УС закодирована культурно значимая информация, извлечь которую оказывается возможным в результате лингвокультурологической интерпретации данных единиц.

В последние годы УС все чаще становятся объектом лингвокультурологических исследований (А.С. Алёшин [1], В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина [21; 22], Л.Б. Воробьева [10] и др.). Эти языковые единицы, по мнению В.А. Масловой, являются одним из ярких образных средств, способных дать ключ к загадке национального сознания, а значит, заслуживающих особого внимания при обучении русскому языку иностранцев.

Что касается специализированных словарей сравнений, то одним из первых опытов лексикографической интерпретации УС стал краткий тематический словарь Л.А. Лебедевой [16], который включает около 1200 единиц и дает достаточно полное представление о тех тематических сферах, в которых наиболее

часто используются устойчивые сравнения: внешность человека, его физические качества и физиологические состояния, речевая и интеллектуальная деятельность, образ жизни, «мир вещей» вокруг человека и т.д. В словаре широко представлены культурологически ценные примеры использования УС в художественной речи, однако собственно лингвокультурологического комментария сравнения не получают, и, соответственно, пользователи иностранцы не могут в полном объеме получить представление о культурном компоненте их семантики.

≈ **длинный, высокий: как верста.** Ирон. или Шутл. О высоком и худом человеке. – *Сказывают, есть нерушимая грамота от лет царя Алексея Михайловича, – сказала Ворошиловского скита игуменья, длинная как коломенская верста мать Христофудула ... П. Мельников-Печерский. В лесах. Убрав кайлу с плеча наземь, стоял в стороне Котьяй, длинный как коломенская верста. Н. Задорнов. Золотая лихорадка. На одной из остановок в автобус вошел солдат – высокий как верста, с большими руками и ногами. В. Токарева. Рождественский рассказ [16, с. 41].*

В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [24], включающем около 2000 единиц и базирующемся на карточке, которая насчитывает более 60000 цитат, извлеченных из художественных, мемуарных, эпистолярных и публицистических произведений от А.С. Пушкина до наших дней, также отсутствует лингвокультурологический, лингвострановедческий или историко-этимологический комментарий:

**ЧАША
КАК (СЛОВНО, ТОЧНО) ПОЛНАЯ ЧАША (книжн.)**

Богатый, изобилующий материальными благами. О доме, хозяйстве.

...А главное состояние: пятьдесят душ, не заложенных.. дом как полная чаша; это я знаю, потому что у Василия Петровича бывал на завтраках... (А.Ф. Писемский. Тюфяк). Подарил [Николай Данилыч] на новоселье, для полного хозяйства, как молодым, белых гусей и уток, гнездо породистых кур... садок голубей-чистяков... И стал тогда новый дом совсем как полная чаша (И.С. Шмелёв. Ростани). А там [в газетах] писалось: довольно мириться с тем, что хозяйства у одних словно чаша полная, у других же, по поговорке, в похлебке крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой. Надо силой беднячкой ломить про-

тив силы кулацкой (С.В. Сартаков. Философский камень). Вере с Митькой-то подфартило. У этого из рук ничего не выпадает. Дом как полная чаша будет (Л.А. Фролов. Сватовство) [24, с. 750].

В «Большом словаре русских народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [22] представлены как устойчивые, так и окказиональные сравнения. В качестве критерия для включения в словарь здесь выступала «не только употребимость оборота в художественной литературе и публицистике, но и его яркая образность и экспрессивность, понятность носителям русского языка» [Там же, с. 5]. В данном словаре мы не находим текстовых примеров использования сравнений в художественной речи, но комментарии в ряде случаев отсылают читателя к тем или иным литературным произведениям:

ДЕНДИ

как денди (dandy) лондонский одет. Книжн. Одобр. Об очень модно, безукоризненно одетом человеке. < Выражение из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (I, IV). Слово *dandy* в пушкинское время воспринималось как неологизм и потому потреблено поэтом в неотрецензированной форме, что подчеркивало его необычность и стилистическое своеобразие [Там же, с. 164].

Проанализировав словари сравнений, мы пришли к выводу, что наряду с лингвокультурологическим комментарием словарь, адресованный иноязычному пользователю, должен включать иллюстративный материал, ценность которого определяется принадлежностью к русской классической и современной литературе, являющейся частью русской культуры.

В настоящее время изучение иностранных студентами текстов художественной литературы начинается уже на предвузовском этапе обучения. В соответствии с Приказом Министерства образования РФ № 1304 от 3 октября 2014 г. «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке», студенты-инофоны гуманитарного профиля должны свободно передавать общее содержание определенных перечнем художественных произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и других авторов. Незнакомая культурно маркированная лекси-

ка, фразеология и другие образные средства выражения значительно осложняют для студентов-инофонов восприятие художественных текстов XIX–XX вв. Следовательно, необходим лингвокультурологический словарь, где этот материал будет представлен иностранному читателю. Что касается сравнительных конструкций, то в таком словаре, согласно нашей концепции, должны быть разработаны не только устойчивые, но и другие образные сравнения, в том числе встречающиеся в художественных произведениях Н.В. Гоголя.

Основы нашей лексикографической концепции представим на материале комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Для словарной репрезентации было отобрано 20 образных сравнений. Узуальные УС, используемые, по данным словарей [16; 22; 24; 27], и другими писателями-классиками, составили здесь 70%, среди них *сидеть как барин, глупый как бревно, упрямый как бревно, поразить как гром (громом), дрожать (трястись) как лист, глупый как сивый мерин, кусать как собака, жужжать как шмель, вбежать как угорелая кошка, как дитя, нужно (пристало) как корове седло, прибежать (вбежать) как сумасшедший, искусный как фокусник, завязнуть как в грязь*.

К индивидуально-авторским сравнениям Н.В. Гоголя мы отнесли обороты *твердый как бревно (о говядине), шептать словно бес, толкаться как шмель, говорить как старинные часы, выздоравливать как муха, как деревянная кора*.

Перечисленные обороты лексикографически разработаны нами в лингвокультурологическом аспекте. Словарные статьи объединяются в блоки, расположенные в алфавитном порядке заголовков, сравнения внутри блока располагаются по алфавиту первого компонента:

БРЕВНО

Глупый как бревно...

Твердый как бревно...

Упрямый как бревно...

Статью открывает вокабула – сравнительный оборот со структурой *основание сравнения + как + объект сравнения* или *основание сравнения + объект сравнения (в форме творительного падежа)*. Пометы раскрывают эмотивно-оценочные коннотации оборота (*неодобр., одобр., шутл., ирон.* и т.п.). Толкование оборота строится с учетом формулировок, предлагаемых в отечественных лексикографиче-

ческих источниках, или выводится из контекста. Приводятся примеры употребления оборота в тексте комедии «Ревизор» (в дальнейшем статьи будут расширены за счет материала других произведений). Под знаком < дается лингвокультурологический комментарий к образному стержню сравнения, поясняются другие лингвокультурологически маркированные компоненты оборота, отражается его отнесенность к устаревшему пласту лексико-фразеологического состава языка, к народной или книжной речи. Разъясняется и функция оборота в гоголевском тексте. Таким образом, обеспечивается расширение фоновых знаний читателя – иноязычного студента:

МЕРИН

Глупый как сивый мерин. Презр. Об очень глупом человеке. Во-первых, городничий – *глуп, как сивый мерин...* (Н.В. Гоголь. Ревизор). < Мерин –кастрированный жеребец (конь, самец лошади). Сивый – седой. Лошади, как и люди, к старости седеют. Вот и сравнивают глупого человека со старой лошадейю – жеребцом, который от долгой тяжелой жизни поседел, потерял физические силы и умственные способности. Сравнение используется русскими писателями, употребляется в просторечии (нелитературной устной речи) для грубой характеристики человека.

БАРИН

Сидеть как барин. Неодобр. или шутил.-ирон. 1. О человеке, который не любит трудиться, а предпочитает перекладывать работу на других. 2. О человеке, празднично сидящем без дела. *Наскучило идти – берешь себе извозчика и сидишь себе как барин, а не захочешь заплатить ему – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет* (Н.В. Гоголь. Ревизор) < Слово *барин* образовано от слова *боярин* (в X–XVII вв. так называли крупных землевладельцев, которые занимали очень высокое положение в обществе). У слова *барин* более широкое значение – барином можно было назвать любого помещика, чиновника, то есть человека, который занимал более высокое положение, чем простой крестьянин. Слово *барин* в дореволюционной России (до 1917 года) использовалось для обращения прислуги к своему хозяину, господину. В представлении простых людей *барин* – это человек, который не работает (за него это делают другие), празднично проводит время, отдыхает, сидит без дела. Отсюда и сравнение – *сидеть как барин*. Сравнение используется

русскими писателями, употребляется в разговорной речи. В современном русском языке есть и другие обороты с этим словом: *лежать как барин, жить как барин*. Они тоже неодобрительно характеризуют ленивого беспечно-го человека, любителя комфортной жизни, не желающего работать. Однако, если человек говорит о себе, как в комедии Н.В. Гоголя, то он может использовать это сравнение и шутило-одобрительно.

Таким образом, в нашем словаре сравнений будет показан эмотивно-оценочный диапазон сравнений, а также отображен ассоциативный диапазон образного стержня. Покажем это на примере УС с компонентом *собака*.

По данным В.М. Мокиенко, в русском литературном языке и диалектах насчитывается более 60 ФЕ со словом *собака* в роли предмета сравнения: *голоден как собака, устал как собака, злой как собака* и пр. [21, с. 175].

Базовый образ концепта «собака», выявленный В.В. Першаевой, включает следующие характеристики данного животного: умное, верное, преданное, с острым нюхом и тонким слухом, лает, быстрое, выносливое, используется на охоте [26, с. 52].

По мнению Н.И. Маругиной, употребление идиом с ключевым компонентом *собака* часто сопровождается актуализацией семантических признаков усиления действия ('совершенно, совсем, очень сильно'): *устал как собака, голоден как собака, злой как собака, надоел как собака, гуляет как собака, ругается как собака* [19, с. 21].

В русской культуре собака является символом преданности и верности. В начале развития человечества собаке отводилась роль охранника жилищ, помощника на охоте. Получая из рук человека пищу, собака преданно служила своему хозяину, отсюда положительные коннотации УС *нюх (чутье) как у собаки, охранять как сторожевой пес, преданный (верный) как собака*.

Одновременно с этим большинству фразеологических единиц с ключевым словом *собака* свойственна негативная оценочность [Там же]. УС русского языка *грызться как собаки, злой как собака, злиться как собака; злой как цепной пес, бросаться как [цепная (бешенная)]собака, рычать как собака, набрасываться как собака* характеризуют собаку как злое, жестокое и враждебное человеку животное, представляющее иную биологическую среду, «чужой», нечеловеческий мир [8, с. 94].

Л.Г. Бойко отмечает, что в других языках, например во французском, образ собаки (*chien*) также имеет негативную оценку. Устойчивые сравнения – *tourir comme un chien* (умереть как собака (в одиночестве, без покаяния)); *tuer comme un chien* (убить как собаку (безжалостно)) и др. – являются тому подтверждением [8, с. 95].

В комедии «Ревизор» Н.В. Гоголя встречается только одно сравнение с этим компонентом, построенное на определенной коннотации. Однако в лингвокультурологическом комментарии словарной статьи, где используется материал В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко [27, с. 133], более широко раскрывается символика этого образа и его фразеологическая активность.

СОБАКА

Кусать как собака. Неодобр. О больно кусающемся человеке или животном. *Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают* (Н.В. Гоголь. Ревизор) < Собаки распространены повсеместно, сейчас их насчитывается свыше 400 пород. Для большинства русских сравнений с этим словом характерна отрицательная оценка. Собака ассоциируется со злостью, агрессией: *злой как собака, злиться как собака, бросаться как собака, набрасываться как собака*. Укус собаки – глубокий и болезненный, поэтому, говоря о клопах, Н.В. Гоголь и употребляет оборот *кусать как собака*. Это сравнение широко используется в разговорной речи. Кроме того, в сравнениях с компонентом *собака* отразились и другие народные наблюдения и ассоциации: в деревнях собаки живут на улице в деревянных будках, часто они оказываются бездомными, отчего и говорят: *замерзнуть как собака, мокрый как собака, голодный как собака, умереть как собака*. Однако собака и друг человека, верный сторож его жилища. Поэтому часто можно услышать и такие сравнения: *преданный как собака, верный как собака*, характеризующие человека с положительной стороны.

В словаре будут представлены не только узусные сравнения, но и индивидуально-авторские обороты. Будет показана их связь с народными мифологическими представлениями, символами, образными ассоциациями, как, например, в следующей словарной статье, при разработке которой использованы материалы словаря В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [22, с. 414–415]:

МУХА

Выздоровливать как муха. Ирон. Об умирающих, гибнущих в больших количествах людях или животных. *С тех пор как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все как мухи, выздоравливают* (Н.В. Гоголь. Ревизор) < Сравнение индивидуально-авторское. Создавая его, Н.В. Гоголь перефразировал известное выражение *мереть (умирать) как мухи* (о высокой смертности). Слово *мереть* он заменяет словом *выздоровливать* и использует сравнение для иронического описания ситуации, создания комического эффекта. Читатели легко понимают замысел автора: мухи не могут массово выздоравливать, ведь в народных представлениях это слабые, незащитные существа, которые живут недолго и легко погибают в большом количестве. Это отражают и другие народные сравнения: *пропасть как муха* – о неожиданно погибшем человеке; *гибнуть как мухи* – о массовой гибели людей; *лежать как мухи где* – о множестве погибших, павших где-л. людей.

При работе с текстом комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в группе иностранных студентов словарь может использоваться уже на предтекстовом этапе для снятия возможных трудностей при чтении. Будет полезным обращение к словарю непосредственно в ходе изучающего чтения для уточнения семантики сравнений, а также при лингвистическом или лингвокультурологическом анализе текста.

Таким образом, учебный словарь, репрезентирующий иноязычным студентам материал образных сравнений, отобранных из произведений классической художественной литературы, поможет обучающимся освоить содержание и языковые особенности этих произведений, раскроет специфику образного мировосприятия, характерную для русской культуры и станет средством формирования лингвокультурной компетенции инофонов.

Список литературы


1. Алёшин А.С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект. СПб.: Нестор-История, 2012.
2. Андреева И.В., Баско Н.В. Русская деревня – XX век: Культурологический словарь. М.: Флинта; Наука, 2003.
3. Анисимова О.К. Лингвокультурология как отдельная филиация общей лексикографии [Электронный ресурс]. URL: http://sociosphera.com/publication/conference/2012/119/lingvokulturografiya_kak_otdelnaya_filiaciya_obwej_leksikografii (дата обращения: 15.01.2017).

4. Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой, А.В. Петровой. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1.
5. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
6. Бирих А.К., В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Норинт, 1998.
7. Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека. М.: Космополис, 1994.
8. Бойко Л.Г. Страноведческая ценность устойчивых сравнений // Инновационные технологии в обучении и производстве: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (г. Камышин, 4 – 6 декабря 2008 г.): в 3 т. Волгоград, 2008. Т. 3. С. 98–125.
9. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
10. Воробьева Л.Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: специфика образности: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2002.
11. Городецкая Л.А. Лингвокультура и лингвокультурная компетентность: моногр. М.: КДУ, 2009.
12. Дубичинский В.В. Искусство создания словарей: конспекты по лексикографии. Харьков: ХГПУ, 1994.
13. Елистратов В.С. Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Рус. словари, 1997.
14. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009.
15. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб.: Златоуст, 2001.
16. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
17. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: моногр. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999.
18. Лукьянова Н.А. Лингвокультурология в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) // Искусство грамматики. Новосибирск, 2006. С. 303–326.
19. Маругина Н.И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. №2. С. 11–30.
20. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004.
21. Мокиенко В.М. Принципы этимологического анализа фразеологии // К 70-летию академика Н.И. Толстого. М.: Наука, 1993.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений: около 45 тыс. сравнений. М.: ОлмаМедиаГрупп, 2008.
23. Морковкин В.В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 32–38.
24. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический): около 1500 единиц. М.: Рус. словари; Астрель; АСТ, 2001.
25. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
26. Першаева В.В. Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 32–65.
27. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Рус. яз., 1990.
28. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков [и др.]; под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М.: Гнозис, 2004.
29. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: АСТ: Астрель, 2008.
30. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
31. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
32. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1979.

* * *

1. Aljoshin A.S. Ustojchivye sravnenija shvedskogo jazyka: lingvokul'turologicheskij aspekt. SPb.: Nestor-Istorija, 2012.
2. Andreeva I.V., Basko N.V. Russkaja derevnja – XX vek: Kul'turologicheskij slovar'. M.: Flinta; Nauka, 2003.
3. Anisimova O.K. Lingvokul'turografija kak ot-del'naja filiacija obshhej leksikografii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://socosphera.com/publication/conference/2012/119/lingvokulturografija_kak_otdelnaya_filiaciya_obvej_leksikografii (data obrashhenija: 15.01.2017).
4. Apresjan Ju.D. Leksikograficheskaja koncepcija Novogo bol'shogo anglo-russkogo slovarja // No-

- vyj bol'shoj anglo-russkij slovar': v 3 t. / pod obshh. ruk. Ju.D. Apresjana, Je.M. Mednikovoj, A.V. Petrovoj. M.: Rus. jaz., 1993. T. 1.
5. Balakaj A.G. Slovar' russkogo rechevogo jetiketa. M.: AST-PRESS, 2001.
6. Biriš A.K., V.M. Mokienko, L.I. Stepanova. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologičeskij spravocnik. SPb.: Norint, 1998.
7. Boguslavskij V.M. Slovar' ocenok vnesnosti čeloveka. M.: Kosmopolis, 1994.
8. Bojko L.G. Stranovedčeskaja cennost' ustojčivyh sravnenij // Innovacionnye tehnologii v obuchenii i proizvodstve: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Kamyšin, 4 – 6 dekabrja 2008 g.): v 3 t. Volgograd, 2008. T. 3. S. 98–125.
9. Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka. Značenie. Upotreblenie. Kul'turologičeskij komentarij / otv. red. V.N. Telija. M.: AST-PRESS KNIGA, 2006.
10. Vorob'eva L.B. Russkie ustojčivye sravnenija v sopostavlennii s litovskimi: specifika obraznosti: dis. ... kand. filol. nauk. Pskov, 2002.
11. Gorodeckaja L.A. Lingvokul'tura i lingvokul'turnaja kompetentnost': monogr. M.: KDU, 2009.
12. Dubichinskij V.V. Iskusstvo sozdanija slovarj: konspekty po leksikografii. Har'kov: HGPU, 1994.
13. Elistratov V.S. Jazyk staroj Moskvy. Lingvojenciklopedičeskij slovar'. M.: Rus. slovari, 1997.
14. Zinov'eva E.I., Jurkov E.E. Lingvokul'turologija: teorija i praktika. SPb.: OOO «Izdatel'skij dom «MIRS», 2009.
15. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. Starje mehi i molodoe vino. Iz nabljudenij nad russkim slovopotreblenijem konca XX veka. SPb.: Zlatoust, 2001.
16. Lebedeva L.A. Ustojčivye sravnenija russkogo jazyka: kratkij tematičeskij slovar'. Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 2003.
17. Lebedeva L.A. Ustojčivye sravnenija russkogo jazyka vo frazeologii i frazeografii: monogr. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 1999.
18. Luk'janova N.A. Lingvokul'turografija v sisteme sovremennoj rossijskoj leksikografii (90-e gg. XX – nachalo XXI v.) // Iskusstvo grammatiki. Novosibirsk, 2006. S. 303–326.
19. Marugina N.I. Koncept «sobaka» kak jelement russkoj jazykovoj kartiny mira // Jazyk i kul'tura. 2009. №2. S. 11–30.
20. Maslova V.A. Lingvokul'turologija: učebye posobie dlja stud. vyssh. učebye zavedenij. M.: Akademija, 2004.
21. Mokienko V.M. Principy jetimologičeskogo analiza frazeologii // K 70-letiju akademika N.I. Tolstogo. M.: Nauka, 1993.
22. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij: okolo 45 tys. sravnenij. M.: OlmaMediaGrupp, 2008.
23. Morkovkin V.V. O slovarnoj leksikologii // Russkij jazyk za rubezhom. 2001. № 2. S. 32–38.
24. Ogol'cev V.M. Slovar' ustojčivyh sravnenij russkogo jazyka (sinonimo-antonimičeskij): okolo 1500 edinic. M.: Rus. slovari; Astrel'; AST, 2001.
25. Ogol'cev V.M. Ustojčivye sravnenija v sisteme frazeologii. L.: Izd-vo LGU, 1978.
26. Pershaeva V.V. Opyt jeksperimental'nogo opredelenija značenija zoosemizmov v russkom jazyke // Aspekty leksičeskogo značenija. Voronezh, 1982. S. 32–65.
27. Felicyna V.P., Mokienko V.M. Russkie frazeologizmy: Lingvostranovedčeskij slovar' / pod red. E.M. Vereshhagina, V.G. Kostomarov. M.: Rus. jaz., 1990.
28. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologičeskij slovar' / I.S. Brileva, N.P. Vol'skaja, D.B. Gudkov [i dr.]; pod red. I.V. Zaharenko, V.V. Krasnyh, D.B. Gudkova. M.: Gnozis, 2004.
29. Skljarevskaja G.N. Slovar' pravoslavnoj cerkovnoj kul'tury. M.: AST: Astrel', 2008.
30. Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997.
31. Telija V.N. Mehanizmy jekspressivnoj okraski jazykovykh edinic // Čelovečeskij faktor v jazyke: jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. M.: Nauka, 1991. S. 36–66.
32. Felicyna V.P., Prohorov Ju.E. Russkie poslovice, pogovorki i krylatye vyraženija. Lingvostranovedčeskij slovar'. M.: Rus. jaz., 1979.



**Russian figurative comparisons
in linguoculturographic
interpretation for foreign
language recipient**

The article deals with the linguistic and cultural methods of representation of figurative comparisons in fiction texts to foreign language students (based on "The Inspector" by N.V. Gogol). The linguocultural commentaries of fixed and author's individual comparisons are suggested in the article.

Key words: *Russian as a foreign language, linguistic culturography, fixed comparisons, author's individual comparisons, linguocultural commentary.*

(Статья поступила в редакцию 09.02.2017)